
ВЛИЯНИЕ ЖЕНСКОЙ ВСЕСОЮЗНОЙ И СИБИРСКОЙ ПРЕССЫ 1920-Х ГГ. НА ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ СИБИРЯЧЕК*

М.В. Васеха

Институт этнологии и антропологии РАН
Ленинский проспект, 32а, Москва, Россия, 119991

В статье рассматривается такой мощный рычаг влияния на общественное сознание, как специализированные женские СМИ, в вопросах формирования новых поведенческих моделей крестьянок в первое десятилетие советской власти. Помимо широко известных историкам всесоюзных журналов «Коммунистка» и «Крестьянка» большое внимание уделяется сибирским изданиям – журналам «Красная сибирячка» и «Сибирская деревня». Автор анализирует основные задаваемые прессой модели поведения, предлагаемые жизненные стратегии для «новой» «раскрепощенной» советской женщины. В целом моделируются более «эффективные» жизненные сценарии, когда женщинам предлагается занимать деятельностную позицию, принимать нестандартные для тех лет решения для изменения своей «женской доли». Автор приходит к выводу о том, что предлагаемые стереотипы поведения не отличались разнообразием, по сути агитируя освободиться от «гнета отцов, братьев и мужа», все сценарии вновь сводились к женскому служению, но уже интересам общества.

Ключевые слова: женская пресса, политика раскрепощения женщин, пропаганда, гендерный подход, поведенческие модели, Сибирь.

Введение

Обоснование темы. Понимание современных проблем в демографической сфере невозможно без анализа брачно-семейных отношений предшествующих периодов, в особенности первого десятилетия советской власти – 1920-х гг., когда в нашей стране была начата ускоренная демографическая модернизация под влиянием политической индоктринации. Одним из главных объектов модернизационного воздействия стали женщины: их «раскрепощение», вовлечение в сферу общественных отношений. Для этого советские идеологи работали над конструированием образа «новой» женщины, который хорошо «прочитывается» на страницах специализированной женской прессы.

Цель и задачи. В статье предполагается проанализировать основные задаваемые ранней советской женской прессой модели поведения, предлагае-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-51-00008.

мые жизненные стратегии, ценностные установки с целью понимания реальной роли, отводимой женщине в советском обществе.

Исследование проблемы

Освещение вопросов новой советской политики в отношении семьи, брака и положения женщины в обществе происходило наиболее ярко и полно на страницах федеральной и особенно региональной женской прессы.

В 1918 г. при ЦК РКП(б) была создана специальная комиссия по пропаганде и агитации среди женщин для вовлечения их в общественно-политическую и профессиональную деятельность. В 1920-е гг. вся женская пресса стала подчиняться ЦК партии, что обусловило ее типологическое единообразие в первое десятилетие советской власти. Тогда же были сформированы основные структурно-типологические характеристики женской периодики [1].

В отличие от большинства изданий дореволюционной женской прессы, направленной на внутрисемейные, личные интересы женщины – жены, хозяйки и матери, первые советские журналы для дам приобрели общественно-политический характер, формировали образ женщины-гражданки, работницы, человека «нового формата».

Из всех существующих в журналистике коммуникативных стратегий в женской прессе 1920-х гг. чаще всего преобладала манипулятивная, когда захватывалось смысловое пространство, а читательской аудитории навязывалось определенное видение реальности. В работе «Психология массовых коммуникаций» Р. Харрис описывал разностороннее влияние средств массовой информации на человека и приводил следующие последствия воздействия СМИ на свою аудиторию: изменение поведения, установок (формирование позитивного/негативного отношения к чему-либо), когнитивные и физиологические последствия [2].

Пожалуй, женская пресса 1920-х гг. была рассчитана на достижение всех этих изменений. Материалы «Сибирячки» буквально «продавливают» читателя напором художественных метафор, ярких образов, разбавленных «железными» аргументами. Читатель профессионально подводится к «правильным» выводам. Немаловажно отметить, что практически вся редакция «Красной сибирячки» и большинство ее авторов были мужчины.

В это время средства массовой информации были основными проводниками новой советской идеологии в массы, главным средством пропаганды по вопросам «раскрепощения» женщин, нового брака и семьи [3]. В сибирских селениях газеты и журналы были главными информативными источниками, служили руководством к практическим действиям для жен-активисток. Именно со страниц газет и журналов «Красная сибирячка», «Сибирская деревня», «Крестьянка», «Коммунистка» и пр. информация доходила непосредственно до населения.

На страницах женских журналов **создавался образ женщины-активистки**, на которую в своей деятельности должны были ориентироваться те, кто последовательно занимался «перевоспитанием» женщин. Например, в журнале «Красная сибирячка» в рассказе «Бабий предводитель (очерк с натуры)» [4] в форме художественного рассказа описывалась история успеха жен-организатора среди деревенских женщин, называющихся в журнале не иначе как «бабы». Дается описание социальной принадлежности главной героини – Поли Каураковой – «бабьего предводителя, как ее насмешливо называют худяковские мужички». Приведем этот текст: «До революции в городе по прислугам жила, в няньках да горничных у богатых служила, многое кое-чего повидала, да многому научилась, а когда волной неотвратимой покати-лась по России революция – ни одного митинга не пропустила. С женотде-лом связь завязала. Глотала книжки ненасытно. И в один прекрасный день поехала в родную Худякову на работу». Молодая женщина оценила обста-новку в деревне как сложную, «люди те же суровые, скрытные, живущие по старым правилам», «тут нужно, ох как осторожно к бабам подходить».

На первом собрании, часть женщин сразу же его покинули со словами: «Ежели насчет коммунии – так мимо нас подальше». Однако, как описыва-ется в рассказе, остались «четыре солдатки-вдовухи, да две молодых бабоч-ки из замужних, да три девки молодых, да любопытных».

Собственно, первой целевой аудиторией как женских журналов, так и всего местного женского движения были группы социально неустроенных жен-щин и молодежь, которая в полную силу воплотила новые жизненные стра-тегии и поведенческие стереотипы несколько позднее. Успехи работы Поли оказались весьма впечатляющими: «по ленинскому призыву пять худяков-ских баб принимали», «солдатки-вдовухи хлеб сообща засеяли, бабью ком-муну устроили», «ясли открываются в Худяковой», «в комитет две бабы чле-нами избраны», «неграмотность среди баб ликвидируется». Статья заверша-ется словами Поли «Капля камень долбит!», которые должны были вдохно-вить последовательниц «бабьего предводителя» не опускать руки и активно действовать в работе с женщинами на селе.

В целом сложности, описанные в рассказе, подтверждаются докладами активисток женотделов и волорганізаторов (то есть работников волостного уровня среди женского населения) с мест. Пожалуй, только успехи главной героини в рассказе несколько преувеличены, поскольку количество яслей в сибирской сельской местности оставалось ничтожно малым. Также процесс обучения женщин грамоте имел небольшой успех в деревне, поскольку сами женщины чаще всего не хотели или не могли посещать курсы ликбеза [5].

На страницах прессы 1920-х гг. появилось множество художественных произведений (рассказы, фельетоны), где обосновывалось **право детей на бунт против матери и отца** – «темных» представителей «старого мира». Это случаи невнимательного и грубого отношения к внутреннему миру ре-

бенка, к его запросам, когда родители якобы прививали ему «неправильные» старые взгляды на жизнь.

Так, в рассказе «Делегатка» [6], подписанном псевдонимом Снегобай, рассказывалось о молодой женщине Груне, которую решили отправить на женский съезд в город как делегатку. Однако ее свекры-стариканы, с которыми она продолжала жить после смерти мужа, не пускали и говорили: «Да рази бабы – опчество?», «Не бабья забота по митингам шляться!», «Правов вам таких не дадено!» Однако «еледатка» отбилась от нападков со стороны «старого» мира и с помощью других прогрессивных женщин собралась в дорогу. В рассказе подчеркивалось, что мужики в дорогу ничего не дали. На съезде ее определили на курсы в город Петроград, где она осталась учиться и потом стала помогать другим женщинам и больным детям.

Таким образом, рассказ преподносит одну из новых женских жизненных стратегий: девушка вырвалась из старого, «прогнившего мира» в новый, к свету и учебе, где смогла отдать себя служению людям.

Важно обратить внимание на то, что автор поставил свою героиню в ситуацию вдовства и отсутствия детей, т.е. без отягчающих обстоятельств.

Тема женского служения обществу довольно часто звучит на страницах изданий. Например, женщин, участвовавших в революционном движении, изображали как страдалниц за идею, воплотивших в своем образе жизни безымянную жертву во имя революции, которым было не нужно «ни благодарности, ни сожаления» [7].

Биографии женщин – героев революционных событий и гражданской войны как общесоюзного, так и местного масштаба с пафосом печатались в рубрике «Дочери октября» журнала «Красная сибирячка». Так, например, в рассказе «Настя Холодова» [8] Т. Ширмана описывается непростая судьба «лица командного состава и члена штаба партизанского отряда» красных во времена колчаковщины. Социальное положение описывалось достаточно типично для женщин-активисток 1920-х гг.: родилась в бедной крестьянской семье поселенца Томской губернии, 14-ти лет ушла на заработки в город, где поступила ученицей в портновскую мастерскую... Настя 16-ти лет вернулась в деревню к отцу, у ней уже были свои стихийно-создавшиеся, не обоснованные теоретически, но твердые убеждения. Настя начинает вести «бунтарские» речи среди деревенской молодежи, за что ее и арестовывают.

Далее описывается череда Настиного «активизма» – участие в восстаниях, агитация среди рабочих, множественные побеги из тюрьмы, работа конным разведчиком на Забайкальском фронте. По ходу деятельности она находит на фронте спутника жизни, рождает ребенка, чудом несколько раз избегает расстрела.

Этот рассказ заканчивается не очень типично, главная героиня не умирает за свои идеалы. Женская стратегия в высшей степени мотивирована на дело революционного преобразования общества: «Теперь Настя студентка рабфака. Цель ее, кроме главной цели ее жизни – борьбы за освобождение ра-

бочего класса, у нее одна – воспитать свою дочь Лилию так, чтобы она продолжала то дело, за которое погиб отец и борется мать».

В художественном рассказе «Танька Протасиха» [9] повествовалось о том, как совсем еще молодую девушку Таню выдали замуж за богатого, но нелюбимого лавочника из соседнего села. За то, что она его не любила, муж ее бил и даже подвергнул вместе со свекром позорящим наказаниям. Забеременев, Таня сделала аборт, так как не хотела детей от нелюбимого человека. Потом Таня овдовела. Вскоре она влюбилась в учителя, который ликвидировал безграмотность в их селе. У них завязались романтические отношения, и она «с боем», но ушла от свекров жить к нему. Вскоре учитель стал партизаном и ушел в леса. Белые поймали Таню и пытали о местонахождении ее мужа, но она умерла, ничего не сказав.

Мораль этого произведения выглядит таким образом, что лучше умереть за настоящую любовь, чем жить вообще без любви с нелюбимым. Предлагаемая женская стратегия: бороться за право на «свободу» и «романтическую любовь» любыми методами, включая избавление от ребенка от нелюбимого мужчины, невзирая на презрение общества и даже смерть.

По сути дела, декларируя освобождение женщины из-под семейного гнета (старшего поколения, мужчин, загруженностью домашними делами и т.д.), советская власть стремилась повернуть сформировавшуюся веками женскую жертвенность и привычку служения во благо общественных интересов.

Тема ухода из дома, из семьи молодого человека или девушки в город, «к свету», к прогрессу и «развенчание» темного мира отцов прошлого была весьма популярна. Печаталось множество рассказов, где заголовок говорил сам за себя: «Ответ – бесстыдники», «Дела отцов в глазах детей», «Новыми путями», «Молодые побеги к солнцу тянутся» и т.д. Это истории, где молодое поколение разочаровывается в родителях, пытается их «вразумить», перевоспитать, научить жить по-новому и в конечном счете покидает отчий дом.

В рассказе «Ответ – бесстыдники» повествуется о том, как сыну надоело наблюдать за хлебными махинациями отца и его обманами односельчан. Пафос произведения состоит в словах сына: «Тятяка – вор, а я – пионер и больше ему не послушник» [10]. В рассказе «Новыми путями» повествуется об активном молодом человеке, принесшем в деревню «свет» из города – чтение газет. По вечерам в избе собиралась молодежь и читала газеты о том, как следует жить. Отец-старик под давлением общественного мнения деревенского мира запретил в доме читать газеты, и сын ушел со словами «так лучше, долой с себя старые вековые лохмотья, надо жить по-новому!» [11] Рассказ «Молодые побеги к солнцу тянутся» дает образец прогрессивной женщины, отправившей своего маленького сына в город из «дикой, темной деревни», подальше от отца, не мирившегося с «явлениями нового мира» [12].

Еще одна популярная тема на страницах сибирской прессы 1920-х гг. – **иллюстрация «темноты» и несправедливости старых патриархальных цен-**

ностей: «девичьей чести», «неуместной скромности» девушки в вопросах выбора брачного партнера, подбора будущего супруга родителями, брака без любви и т.д.

Рассказ, напечатанный в рубрике «Старое и новое» [13], рассказывал о безвыходном и зависимом положении женщины в патриархальной семье.

Девушку Дашу насильно выдали замуж мать и брат в 16 лет. Ей замуж не хотелось, ей не нравился будущий муж Вавило Маркович, который был старше ее на 3 года, а нравился ей другой – Александр. Девушка сначала долго молчала, а потом сказала «Он мне не глянется! Не пойду я за ево!» На что брат ответил: «Дряннина! Тебе ж лучше делают! Люди хорошие, богатые, одной веры. После смерти батюшки я тебе все равно, что отец! Чо хочу, то и сделаю, перечить не смей, а то я живо с тобой по-другому обойдусь!». Мать, в свою очередь, говорила: «Выйдешь, закон примешь, ну и поллюбишь... Ты, доченька, не думай, что не пойдешь. Дело сделано. Мы стыда на себя брать не будем! Не пойдешь – как собаку из дому выгоним».

Далее анонимный автор рассказа очень подробно и с этнографической точностью описывал свадебные обычаи. Однако в глазах молодого поколения младшего брата Даши – Егорки это выглядело как «дикость». Детально описан обычай подклета: «свахи с молодухи рубашку сняли, на тарелку положили красными пятнами кверху, посередине стола поставили». Гости пили и похваливали: «Добра девка – уберегла!», хвалили мать и брата. Все любопытничали, друг другу эту новость передавали, а младший брат Егорка очень сердился на все происходящее и не пошел на свадьбу, где «сестру силой замуж отдают». Рассказ заканчивается словами Егорки «человек – не скотина».

В данном случае хоть и не предлагается готовой женской жизненной стратегии, однако подчеркивается унижительное и безвольное положение женщины в обществе с патриархальными пережитками. Логично предположить, что автор рассказа подчеркиванием единоверия жениха и невесты, имел в виду ситуацию в старообрядческой среде, в представлениях новой власти особенно косной. Безусловно, целью данного произведения было сформировать неприятие происходившего, отвращение к браку без любви и в целом к народным обычаям.

Сведения, собранные в этнографических экспедициях, подтверждают, что обычай подклета в 1920–1930-е гг. воспринимался со стороны невест негативно, женщины считали, что именно мужчины настаивали на его продолжении [14].

Во всесоюзных журналах, таких как «Крестьянка», «Коммунистка», часто встречаются статьи откровенно пропагандистско-разъяснительного плана, написанные доступным для людей из народа языком с приведением примеров из жизни. Например, в статье «Что дала крестьянке октябрьская революция» популярно разъяснялось, что женщина является таким же работником, что и мужчина, поэтому она обладает теми же правами. «Царь и поме-

щики не признавали этого факта, посему женщина была как пришитая около своего мужчины будь он пьяница, вор, мошенник, бьет ее – она не могла от него уйти. Даже записывалась она в паспорте у мужчины» [15].

В статье разъяснялось, что советская власть дала женщине все права наравне с трудящимися мужчинами, как гражданка РСФСР она получила право голоса на выборах и сама могла быть избрана во все органы советской власти. После Октябрьской революции женщина смогла иметь собственный паспорт и без всяких стеснений уйти от мужа «если с ним жизнь не в жизнь». Это право она получала в случае, если доказывала на суде, что сама сможет вырастить своих детей. Дети оставались с ней, а муж должен был выделить землю, скот и инвентарь из общего хозяйства. На страницах журнала объяснялось, что незамужняя крестьянка могла потребовать выдела от своей семьи, братьев, сестер, если с ними плохо жилось.

В другой статье с красноречивым заголовком «Что дал октябрь крестьянке-матери?» картина женской доли в деревне описывалась следующим образом: «Доля бабы в деревне – безотраднa. Как только не измывались над бабой, чего только она не выносила от свекрови, мужа. До последних лет крестьянка ничего не знала кроме своей избы, горшков, скотины...» [16].

Такого рода статьи создавали впечатление о советской власти как о верном защитнике и охранителе интересов женщины. Причем советское государство не просто занимало протекционистские позиции по отношению к женщине, но и указывало на несправедливые и оскорбительные факты дореволюционной жизни, ущемляющие женское достоинство. Авторы выводили их из разряда нормы и указывали, за что именно необходимо бороться.

Если художественные рассказы на страницах популярных изданий задавали новые модели поведения, то проблемно-аналитические статьи апеллировали к разуму, логике читателя. Наряду с откровенно пропагандистскими статьями о необходимости разрушения старой семьи и старых семейных ценностей, получении женщиной нового статуса в обществе и т.д. со временем появлялись тексты, отражавшие менее радикальную точку зрения на вопросы реформирования семьи. Так, например, в статье В. Лебедевой (1923 г.) указывалось на ошибочность некоторых установок по разрушению старой семьи: «Разрушив основы старой семьи, введя институт гражданских браков, допустив небывалую легкость разводов, мы ничем не вооружим женщину, которая беспомощно стоит над своим разрушенным семейным очагом. Освобожденная политически, но экономически все еще зависимая от мужчины, потому что справиться самой с ребенком при нашей безработице и низкой заработной плате для одинокой женщины вещь непосильная» [17].

Во второй половине 1920-х гг., после преодоления периода «экспериментов и дефамализации», в вопросах семьи и брака был взят курс на установление «этакратического брачного порядка», характеризовавшегося морализаторством и ханжеством сталинского времени. Буквально в течение не-

скольких лет пестовавшиеся веками православной церковью нормы брачного и сексуального поведения приобрели характер «непререкаемых», но уже в русле советской идеологии (моногамный брак, развод как позор, порицание добрачных отношений и т.д.) [18]. В 1928–1929 гг. положение женщины в советском обществе официально было признано «сложным». Партийный журнал «Коммунистка» изменил свой курс от расшатывания семейных устоев и морали к отстаиванию интересов женщин по-новому, «без перегибов» [19]. За «Коммунисткой» последовали и другие женские издания.

Выводы

Таким образом, популяризация новых поведенческих стратегий и стереотипов в художественной форме активно проводилась на страницах советских журналов. Рассказы «из народной жизни» в доступной для народа форме создавали картину тяжелого положения женщин и молодежи в сибирской глубинке. Советские идеологи активно использовали «наболевшие» женские темы (например, унижительный обряд свадебного подклета, бесправность перед мужчинами в семье, мужское пьянство и т.д.). Предлагались и пути решения, которые в основном сводились к разрыву со старыми отношениями и поведенческими стереотипами, призывам получать образование и занимать активную жизненную позицию, вливаться в ряды советских активистов, действуя наравне с мужчинами, перевоспитывать других женщин.

Небезынтересно отметить, что из литературного контекста следует, что у большинства таких героинь отсутствовала собственная счастливая семья. В основном это были молодые незамужние одиночки либо разочарованные в семейной жизни женщины, иногда вдовы (после семейной трагедии).

В рассказах, ориентированных на женскую читательскую аудиторию, в крестьянской патриархальной семье «ломались» поведенческие стереотипы женщин, часто живших по принципу «стерпится – слюбится», «родители лучше знают» и т.д. В женской периодике 1920-х гг. развенчивается представление о «женской доле» (судьбе, предуготовленном будущем, женском фатализме), характерное для риторики женской печати конца XIX – начала XX вв. (20). Моделируются более эффективные жизненные сценарии, женщинам предлагается занимать деятельностную позицию, принимать нестандартные для тех лет решения для изменения своей нелегкой судьбы.

Важно отметить, что предлагаемые стереотипы поведения не отличались особым разнообразием, по сути, велась агитация за освобождение от «гнета отцов, братьев и мужа», за общественное служение. Таким образом, политика «раскрепощения женщин» по большей части сводилась к вовлечению женщин в общественное пространство, часто без попыток понять и учесть их истинные потребности и чаяния.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] *Смеюха В.В.* Процессы идентификации и женская пресса. Ростов-на-Дону, 2012. С. 94.
- [2] *Харрис Р.* Психология массовых коммуникаций. СПб.-М., 2002.
- [3] *Рукин Н.С.* Идеологическая работа парторганизаций Сибири в период создания фундамента социалистической экономики и руководство СМИ // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1976. С. 135–170.
- [4] *Кручина А.* Бабий предводитель (очерк с натуры) // Красная сибирячка. 1928. № 8. С. 9–10
- [5] *Васеха М.В.* Вовлечение женщин в процесс строительства советского общества в 1920-е гг. (по материалам юга Западной Сибири) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4–2 (80). С. 43–46.
- [6] Делегатка // Красная сибирячка. 1923. № 9/10. С. 26–30.
- [7] Участие женщин в революционном движении России // Красная сибирячка. 1923. С. 40–41.
- [8] *Ширман Т.* Настя Холодова // Красная сибирячка. 1922. № 2–3. С. 75–77.
- [9] Танька Протасиха // Красная сибирячка. 1923. № 11/12. С. 6–11.
- [10] Ответ – бесстыдники // Сибирская деревня. 1924. № 9. С. 10–13.
- [11] Новыми путями // Сибирская деревня. 1924. № 8. С. 10–13.
- [12] Молодые побеги к солнцу тянутся // Сибирская деревня. 1924. № 4. С. 1–6.
- [13] Старое и новое // Сибирская деревня. 1924. № 3. С. 1.
- [14] *Васеха М.В., Фурсова Е.Ф.* Постельный обряд у старожилов и переселенцев Западной Сибири // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее. Материалы Шестой научной конференции РАИЖИ. Т. 2. Нальчик-Москва, 2013. С. 120–123.
- [15] *Куйбышева М.* Что дала крестьянке октябрьская революция? // Крестьянка. 1922. № 6. С. 11.
- [16] *Лебедева В.* Что дал октябрь крестьянке-матери? // Крестьянка. 1922. № 6. С. 15.
- [17] *Лебедева В.* Самоистребление человечества // Коммунистка. 1923. № 9. С. 5.
- [18] *Пушкарева Н.Л., Казьмина О.Е.* Российская система законов о браке в XX в. и традиционные установки // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 67–89.
- [19] См. по данному вопросу: *Артюжина А.* На борьбу с недостатками в быту и строительстве // Коммунистка. 1928. № 5. С. 3–8; *Бабка или платные абортарии* // Там же. 1928. № 9. С. 48–49; *Резакин А.* Вырвать крестьянку из лап бабок // Там же. 1929. № 2. С. 42; *Вопиющие факты* // Там же. 1929. № 2. С. 39–40; *Томсинская* Что толкает на аборт // Там же. 1929. № 2. С. 40–42 и др.
- [20] *Покровская М.И.* Женская доля // Женский вестник. 1905. № 12. С. 249.

REFERENCES

- (1) *Smejuha V.V. Processy identifikacii i zhenskaja pressa* [Processes of identification and women's press]. Rostov-na-Donu, 2012, p. 94.
- [2] *Harris R. Psihologija massovyh kommunikacij* [Psychology of mass media communications]. St.-Petersburg, Moscow, 2002.
- [3] *Rukin N.S. Ideologicheskaja rabota partorganizacij Sibiri v period sozdanija fundamenta socialisticheskoj jekonomiki i rukovodstvo SMI* [Ideological work of Party organizers in Siberia in a period of socialistic economics foundation and mass media management]. *Voprosy istorii social'no-jekonomicheskoi i kul'turnoj zhizni Sibiri – [Questions of socio-economics and culture life in Siberia]*. Novosibirsk, 1976, pp. 135–170.

- [4] Kruchina A. Babij predvoditel' [oherk s natury] [Peasant women's leader [sketch from nature]]. *Krasnaja sibirjachka – [Red Siberian woman]*. 1928, no. 8, pp. 9–10.
- [5] Vasekha M.V. Vovlechenie zhenshhin v process stroitel'stva sovetskogo obshhestva v 1920-e gg. [po materialam juga Zapadnoj Sibiri] [Women' involving in a process of soviet society building in 1920ies [based on the materials of the South of West Siberia]]. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta – [Altay State University News]*. 2013, no. 4–2 [80], pp. 43–46.
- [6] Delegatka [Woman-delegate]. *Krasnaja sibirjachka – [Red Siberian woman]*. 1923, no. 9/10, pp. 26–30.
- [7] Uchastie zhenshhin v revoljucionnom dvizhenii Rossii [Women's membership in revolution movement in Russia]. *Krasnaja sibirjachka – [Red Siberian woman]*. 1923, pp. 40–41.
- [8] Shirman T. Nastja Holodova [Nastja Holodova]. *Krasnaja sibirjachka – [Red Siberian woman]*. 1922, no. 2–3, pp. 75–77.
- [9] Tan'ka Protasiha [Tan'ka Protasiha]. *Krasnaja sibirjachka – [Red Siberian woman]*. 1923, no. 11/12, pp. 6–11.
- [10] Otvet – besstydniki [Answer – shameless people]. *Sibirskaja derevnja – [Red Siberian woman]*. 1924, no. 9, pp. 10–13.
- [11] Novymi putjami [On the new ways]. *Sibirskaja derevnja – [Siberian village]*. 1924, no. 8, pp. 10–13.
- [12] Molodye pobegi k solncu tjanutsja [Fresh sprouts stretch to the sun]. *Sibirskaja derevnja – [Siberian village]*. 1924, no. 4, pp. 1–6.
- [13] Staroe i novoe [Old and New]. *Sibirskaja derevnja – [Siberian village]*. 1924, no. 3, p. 1.
- [14] Vasekha M.V., Fursova E.F. Postel'nyj obrjad u starozhilov i pereselencev Zapadnoj Sibiri [Bed rite among old settlers and migrants of West Siberia]. *Rossijskaja gendernaja istorija s «juga» na «zapad»: proshloe opredeljaet nastojashhee. Materialy Shestoj nauchnoj konferencii RAIZhI* [Russian gender history from “south” to “west”: past defines nowadays. Six conference RAIZhI materials]. Nal'chik-Moscow, 2013, vol. 2, pp. 120–123.
- [15] Kujbysheva M. Chto dala krest'janke oktjabr'skaja revoljucija? [What gave to the peasant woman October revolution]. *Krest'janka – [Peasant woman]*. 1922, no. 6, p. 11.
- [16] Lebedeva V. Chto dal oktjabr' krest'janke-materi? [What was given to the peasant woman-mother by October revolution?]. *Krest'janka – [Peasant woman]*. 1922, no. 6, p. 15.
- [17] Lebedeva V. Samoistreblenie chelovechestva [Self-destruction of humanity]. *Kommunistka – [Communist woman]*. 1923, no. 9, p. 5.
- [18] Pushkareva N.L., Kaz'mina O.E. Rossijskaja sistema zakonov o brake v XX v. i tradicionnye ustanovki [Russian law system concerning marriage in XX c. and traditional statements]. *Ethnographical review*, 2003, no. 4, pp. 67–89.
- [19] By this question: Artjuzhina A. Na bor'bu s nedostatkami v bytu i stroitel'stve [All for the struggle with defects in mode of life and building]. *Kommunistka – [Communist woman]*. 1928, no. 5, pp. 3–8; Babka ili platnye abortarii [“Babka” [wise woman] or commercial abortion clinics]. *Kommunistka – [Communist woman]*. 1928, no. 9, pp. 48–49; Rezakin A. Vyrvat' krest'janku iz lap babok [Bring up peasant woman from “babka” [wise woman] hands]. *Kommunistka – [Communist woman]*. 1929, no. 2, p. 42; Vopijushhie fakty. *Kommunistka – [Communist woman]*. 1929, no. 2, p. 39–40; Tom-sinskaja Chto tolkaet na abort [What makes woman to do abortion]. *Kommunistka – [Communist woman]*. 1929, no. 2, p. 40–42 etc.
- [20] Pokrovskaja M.I. Zhenskaja dolja [Women's fate]. *Zhenskij vestnik – [Women's herald]*. 1905, no. 12, p. 249.

IMPACT OF ALL-UNION AND SIBERIAN PRESS OF 1920S ON FORMATION OF SIBERIAN WOMEN'S NEW BEHAVIORAL PATTERNS

M.V. Vasekha

Institute of Ethnology and Anthropology
Russian Academy of Sciences
Leninsky Prospekt, 32A, Moscow, Russia, 119991

The article deals with specialized women's media and their role in the formation of new behavioral patterns of peasant women in the first decade of the Soviet period. The author analyzes the main behavior models, life strategies proposed for the “new” “liberated” Soviet women in media. In addition to the well-known all-Union magazines “The Communist woman” and “The Peasant Woman” in this article there were used Siberian media – the magazines “The Red Siberian Woman” and “The Siberian village”. The regional press, not so official, adapted to local realities, gives the researcher valuable representation of the Soviet propaganda influence in Siberian backwoods. The press modeled more “effective” life scenarios; women were encouraged to take up activity-position to take unconventional solutions to change their “hard fate”, “women's destiny”. It is important to note that the proposed patterns of behavior are not very diverse campaigning rid of “oppressive fathers, brothers and husbands”. All the scenarios again boiled down to the idea of service, but this time to the public interest. Thus, the policy of “emancipation of women” for the most part was reduced to the integration of women in the public space, without trying to understand their true needs, to take into account their aspirations and, ultimately, to protect their best interests.

Key words: women's press, women's emancipation policy, propaganda, gender approach, behavioral patterns, Siberia.